

Максим Шарапов

Последние годы дружеское ироничное общение и откровенно
нередко подменялись грубыми взаимными упрёками и

Михаил провёл вдоль стола, повернул на
и, сделав шаг несколько шагов, приблизился
к Дине. Этот простой маневр невидимая

Аудитория всё туже зажимала, неуклонно суживаясь в
вразговор студентки и преподавателя. Вика тоже, не открыв

АЛЬМА-МАТЕР

эта о любви говорят уже не журналист

и ре

12+

Максим Шарапов

Альма-матер

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шарапов М.

Альма-матер / М. Шарапов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Студенческие годы - лучшая пора нашей юности, в которую, оказывается, можно вернуться. Успешный журналист после случайной встречи на мероприятии с бывшим однокурсником, а теперь ректором университета, приглашен вести курс лекций в своей Альма-матер. Можно ли вновь прийти в дом, двери которого давно закрылись за твоей спиной? По каким законам этот мир прошлого живет теперь и нужен ли ты в нем? В реалистическом романе с элементами мистики есть ответы на самые прямые и страшные вопросы. Любовная история переплетена с линией профессиональных интриг, мужской дружбы и не лишена юмора исторических анекдотов одного из старейших университетов Москвы. Ищите себя на этих страницах.

Максим Шарапов

Альма-матер

Посвящается всем студентам, выпускникам и преподавателям МПГУ им. В.И.Ленина.

С признательностью Анастасии Бакановой.

– Поздравляю! – Проректор по учебной части поднялся из-за стола и протянул руку мужчине лет сорока пяти. – Теперь и вы наш человек на ближайшие полгода!

– Спасибо. – Собеседник тоже встал, пожал протянутую руку и улыбнулся. – Только я давно уже ваш человек.

– Ах, да! – Проректор снова сел в кресло, качнувшееся под его весом. – Вы же закончили наш университет. Но согласитесь, учиться и преподавать, а тем более руководить, – он сделал значительное лицо, – все-таки не одно и то же.

– Конечно, я понимаю, – кивнул собеседник. – И не буду вас больше задерживать, скоро новый учебный год...

Да, да! – перебил его проректор. – Сентябрь для нас всегда хлопотный! Напоминаю, что ваша первая лекция второго числа в одиннадцать утра.

Кирилл Эдуардович закрыл за собой дверь кабинета, кивнул девушке-секретарю и вышел из приёмной. Сделал несколько шагов и остановился. Он стоял посередине высокого светлого пространства, которое по периметру охраняли изящные колонны. Казалось, что они держали на себе солнечное августовское небо, проникающее внутрь помещения через стеклянный атриум. Кирилл Эдуардович посмотрел по сторонам, вздохнул и зачем-то засунул руки в карманы брюк. Потом руки вынул, сделал какой-то неопределённый жест и, прошагав через большой зал, стал спускаться по лестнице.

В университетском дворе, спрятанном от случайных прохожих невысокими зданиями прошлых веков, людей почти не было: на скамейке разговаривали две девушки, молодой парень объяснял по телефону, почему не сможет куда-то приехать. Учебный год ещё только приближался.

Кирилл Эдуардович постоял у входа, потом повернул налево и подошёл к деревьям, которые росли за невысокой оградой. Протянул руку и погладил шершавую кору каштана, ствол которого раздваивался в полутора метрах от земли. Для него это было сакральное дерево. Лет двадцать пять назад вместе со своим верным студенческим другом Мишей они выкопали его где-то в Коломенском во время весеннего субботника, привезли сюда и посадили. Тогда это был шуплый кустик с двумя крупными ветками. И вот он вырос.

Кирилл Эдуардович ещё раз коснулся своего, как он считал, дерева и пошёл в сторону метро. Студенческая юность давно прошла, но втайне ото всех он иногда возвращался к своему универу, чтобы напиться его энергией. А теперь он будет читать здесь лекции.

Подбил его на эту, немного авантюрную затею сам ректор, с которым они случайно пересеклись на каком-то совещании, обнялись, разговорились и пошли пить кофе. Они с удовольствием вспоминали свое студенчество, а когда в разговоре промелькнуло, что на филологический факультет ищут свободного преподавателя журналистики, ректор вдруг развел руками:

– Так вот же наш лектор! – он смотрел на Кирилла Эдуардовича. – Ты нам и pomoжешь!

– Да что ты! – отмахнулся Кирилл Эдуардович. – Какой из меня преподаватель?

– Ну, здравствуйте! – улыбался ректор. – И это мне рассказывает человек с высшим педагогическим образованием?!

Кирилл Эдуардович учителем никогда не работал, так, только на практике немного. Его очень быстро затянуло в журналистику, и к преподаванию он больше никогда не возвращался. Но ректор настаивал, говорил, что это всего на один семестр, и, если не понравится, всегда можно эксперимент завершить.

– А в жизни останется интересный опыт, – он подкидывал всё новые аргументы. – И когда из журналистики тебя выгонят, будет ещё одна профессия.

– Почему меня должны выгнать? – нахмурился Кирилл Эдуардович.

– Ну, старик, в жизни всё бывает.

Чем дольше отказывался Кирилл Эдуардович, тем больше это походило на какое-то мелкое, но очень неприятное предательство. Как будто он сейчас хотел изменить и своему студенческому приятелю, и университету, и профессии, про которую ему предлагали рассказать. Это ощущение, в совокупности с азартной натурой, которую хорошо знал и умело дразнил опытный Алексей Владимирович, вдруг что-то переменяло в голове Кирилла Эдуардовича, и он сказал:

– Ладно, уговорил! Давай попробуем!

Второго сентября, примерно за час до своей лекции, Кирилл Эдуардович вынырнул из метро «Фрунзенская» и направился в сторону университета по Хользунову переулку. С одной стороны этой улочки, больше похожей на тенистую аллею, виднелись элитные дома советской эпохи, а с другой за высокой кованой оградой шумел своими кронами парк. По этой дороге студенты и преподаватели десятилетиями шли в университет и расходились потом по своим делам, домам и семьям. Кирилл Эдуардович поглядывал по сторонам и сравнивал увиденное с впечатлениями своей юности. Кое-что, конечно, изменилось, но общее настроение этого московского района всё-таки выжило и теперь забродило в его сознании приятными воспоминаниями, которые даже немножко кружили голову.

К встрече со студентами Кирилл Эдуардович почти не готовился. Поволновался немного, но потом решил, что и так всё знает, а говорить умеет. Полжизни он посвятил журналистике, последние несколько лет возглавлял одно из интернет-изданий и знал в его работе каждый пиксель. Он расскажет своим студентам об истории электронных СМИ, их становлении в девяностые годы прошлого столетия, приправит современными форматами, да и вообще забросает их своей профессиональной эрудицией. На всякий случай он записал в блокноте смартфона несколько тезисов, которые должны были стать маяками его интеллектуальной речи. Если что, подсмотрит, как студент на экзамене.

Небольшая площадь перед универом теперь ожила и была полна молодых людей. Некоторые пили кофе из бумажных стаканчиков, другие просто болтали и смеялись, кто-то зависал в телефоне. Кирилл Эдуардович встал чуть в стороне, возле своего каштана, и сделал вид, что отыскал нечто увлекательное в своем гаджете. На самом деле он изучал лица этого нового поколения и неожиданно понял, что общение с ними может оказаться не таким лёгким, как он себе представлял. И эта простая мысль явилась вдруг таким откровением, что моментально расколола его спокойную самоуверенность на множество острых сомнений, которые сразу испортили весь его деловой настрой и даже запершили в горле. Захотелось чего-нибудь выпить и, поправив на плече купленную в Италии стильную сумку, он пошел к приютившейся здесь же, во дворе, небольшой фальшивой постройке, которая прикидывалась архитектурным родственником исторического здания. Там поселилось кафе, предлагавшее напитки и быструю еду.

До назначенной в 10:30 встречи с ректором, который захотел сам представить нового преподавателя, оставалось ещё минут двадцать. За это время Кирилл Эдуардович решил выпить кофе и немного успокоиться. Стоя в очереди, он достал телефон и пролистывал свою шпаргалку, которая теперь казалась ему совсем бесполезной, а местами даже глупой. Расстроившись от этого ещё больше, он плюнул мысленно на свои же тезисы и решил, что будет выкручиваться, импровизируя на ходу. Пытаясь отвлечься от неприятных предчувствий, он старательно раз-

глядывал интерьер кафе, в котором оказался впервые, и вдыхал запахи разогреваемых сэндвичей. Он различил ароматы горячего хлеба, ветчины, каких-то специй и запах отварных пельменей, который постепенно становился все сильнее и забивал все остальные. Кирилл Эдуардович даже посмотрел, нет ли пельменей на столах, но любителей мяса в тесте не заметил. Тогда он внимательно изучил меню, но и там этого блюда не увидел.

Странно, думал Кирилл Эдуардович, растирая пальцами подбородок. Откуда же мог взяться этот повисший в воздухе вкус, который он не мог ни с чем перепутать? И вдруг перед глазами всё поплыло, и вместо стеклянной буфетной стойки, симпатичных столиков, больших окон он увидел старую обшарпанную пельменную, неряшливых теток в грязно-белых фартуках, мешавших большими шумовками кипящие пельмени. Стоя вокруг одноногих круглых столиков, посетители ели пельмени с маслом или сметаной и запивали их компотом. На мгновение Кириллу Эдуардовичу показалось даже, что он узнает некоторые лица за столом, где тайком разливали портвейн...

– Мужчина, заказывать что будете? Мужчина! – «Пельменные тетки» превратились в молодую, аккуратно одетую женщину, недовольно смотрящую на странного клиента. – Или передумали?

– Нет, – Кирилл Эдуардович не сразу понял, что от него хотят.

– Чего нет?

– Буду кофе. Капучино. – Пельменный запах не отпускал.

– Большое, маленькое? – Продавщица двинулась к кофеварке.

– Большой, – ответил Кирилл Эдуардович, приходя в себя.

Кирилл Эдуардович пил свой кофе за столиком в самом углу. Призрак бывшей пельменной, которая когда-то стояла на этом самом месте, был настолько реальным, что он никак не мог от него отделаться. В эпоху дефицита ресторанов и кафе пельменная эта часто становилась местом студенческих встреч. Спиртное там не продавали, но всегда можно было принести с собой, и тогда подвыпившую компанию выдавали веселый смех и громкие разговоры. Стульев в подобных заведениях не было, люди должны были быстро перекусить и уйти, поэтому студенческие пирушки здесь всегда проходили на ногах. Но в двадцать лет это никого не смущало.

В половину одиннадцатого Кирилл Эдуардович зашел в ректорскую приёмную и сразу увидел Алексея Владимировича, который, наклонившись над столом своего секретаря, подписывал какие-то бумаги. Они поздоровались и зашли в кабинет. Ректор внимательно взглянул на Кирилла Эдуардовича и, хитро прищурившись, спросил:

– Готов идти на растерзание к нашим выпускникам?

– Что ты меня запугиваешь! – попытался улыбнуться Кирилл Эдуардович, которому эта шутка только добавила нервной дрожи. – Не страшнее нас, наверное...

– Не скажи. – Они сели на просторный диван. – Мы, конечно, дерзкие были, но сейчас время другое. Раньше, в эпоху бумажных библиотек, преподавателю верили на слово. И даже если он где-то немного ошибался, что-то путал иногда, поймать его на этом было очень сложно. А теперь, если в тебе засомневаются, – ректор ткнул пальцем в плечо Кирилла Эдуардовича, – то проверят за одну минуту. Просто погуглят правильный ответ. Да что я тебе это рассказываю?! Ты же сам гуру интернета.

– Какой я гуру? – ответил Кирилл Эдуардович, которого очень насторожило предположение, что студенты будут проверять все его слова.

– Не скромничай! Я сам с интересом читаю статьи на твоём портале.

– Портал не мой, – вздохнул Кирилл Эдуардович. – У него вполне конкретный владелец. Был. Недавно он продал нас, в том числе и меня, новому бизнесмену. И теперь у нас другой хозяин.

– Да ты что? – удивился Алексей Владимирович. – Я не слышал.

– Пропустил, значит. Знаешь, Алексей, – Кирилл Эдуардович немного замялся. – Я что-то неожиданно разнервничался. Мне кажется, я осрамлюсь и тебя подведу.

– Осрамишься, конечно! – ректор уверенно поддержал мысль Кирилла Эдуардовича и засмеялся, глядя на его изменившееся лицо. – Когда-нибудь. Это с каждым бывает! Но подвести меня ты просто не имеешь права. Поэтому не раскисай и настраивайся на работу. Зря что ли государство тебя пять лет на преподавателя бесплатно учило?! Надо соответствовать. Чай будешь или кофе?

– Мне бы сейчас коньяка, – честно признался Кирилл Эдуардович.

– Коньяк на работе нельзя. Извини.

– Я понимаю. Тогда чай.

Минут через десять они вышли из кабинета и не спеша направились к самой большой аудитории, которую раньше называли Ленинской.

– Нам очень не хватает практиков, – негромко говорил Алексей Владимирович. – Прекрасных теоретиков у нас много, но ты же понимаешь, одной теории мало. Нам нужны люди, которые могут рассказать выпускникам, что их ждет там, – он махнул рукой куда-то за стены университета, – за рабочим столом, за монитором, за планшетом. А ещё их нужно научить уверенно общаться с людьми и сделать психологическую прививку, чтобы не боялись ни своих учеников, ни своих оппонентов. Кирилл, я очень рассчитываю на тебя.

– Я попробую, – неуверенно ответил Кирилл Эдуардович.

У дверей аудитории их ждал декан филфака. Они поздоровались и поднялись по ступенькам в большую аудиторию, за партами которой сидело больше ста человек. Пока ректор излишне лестно рекомендовал нового преподавателя, Кирилл Эдуардович смотрел на студентов, лица которых в эти первые минуты визуального знакомства расплывались в его сознании в какое-то одно общее лицо, которое он никак не мог толком разглядеть. Кириллу Эдуардовичу приходилось выступать перед разными аудиториями и страх от пристального внимания сотен глаз давно в нем прошёл, но эти слушатели действительно казались какими-то особенными. Кирилл Эдуардович почувствовал, что ему вдруг стало жарко.

– ... я уверен, что эти лекции будут для вас не только интересными, но и очень полезными, – Алексей Владимирович завершал свое выступление. – А теперь мы удаляемся и не будем больше мешать вашему общению.

Под аплодисменты аудитории ректор пожал руку Кириллу Эдуардовичу и ушёл вместе с деканом.

– Здравствуйте, коллеги! – Кирилл Эдуардович обвёл взглядом выдохнувшую после ухода ректора аудиторию. – Алексей Владимирович меня так подробно представил. Не знаю даже, что ещё про себя добавить. Наверное, я не такой идеальный.

– Мы про вас можем добавить, – выкрикнула какая-то девушка, которую Кирилл Эдуардович даже не успел заметить. – Вы недавно развелись!

По аудитории пробежал негромкий смехок. Пророчество ректора сбывалось. Кирилл Эдуардович напрягся, он не любил публичного обсуждения своих интимных историй. Но обижаться и показывать свою уязвимость было нельзя, и он почти сразу рассмеялся.

– В эпоху интернета такими сплетнями никого не удивишь, – он чуть презрительно скривил рот, – поверхностная работа. Я понимаю, конечно, что в молодой и не слишком опытной в семейных делах аудитории само слово «развод» звучит интригующе. Поверьте, ничего особенно любопытного в этом процессе нет. Но если кто-то о-очень заинтересуется, могу поделиться. Только в другое время и в другом месте. А теперь давайте начнём.

– А ещё вопрос можно? – поднял руку молодой человек на заднем ряду.

– Давайте, если по теме.

– По теме. Лекции ваши обязательно посещать?

– Если будет совсем неинтересно, то необязательно, – произнёс Кирилл Эдуардович и понял, что допустил стратегическую ошибку: пять человек с задних рядов тут же поднялись и направились к боковому выходу. – Но в этом случае на лёгкую сдачу зачёта можно не претендовать, – быстро завершил свою фразу Кирилл Эдуардович.

Раздался смех. Студенты приняли его спасительный экспромт за умышленную провокацию и оценили. После этой ремарки четверо из пяти решивших свалить вернулись на свои места. Один парень, правда, всё-таки ушёл: сохранение личного авторитета оказалось сильнее страха перед зачётом.

Кирилл Эдуардович почувствовал, что инициативу нужно срочно отнимать и громко спросил:

– А кто из вас ведёт собственные блоги? – Он вышел из-за стола и сделал несколько шагов вперёд, показав, что он их не боится и готов идти на сближение. – Поднимите руки.

Руки подняли человек двадцать.

– Отлично! – Кирилл Эдуардович, казалось, сильно обрадовался. – А теперь я расскажу вам, почему даже самый популярный блогер никогда не сможет стать профессиональным журналистом!

Вбросив в аудиторию этот откровенно дискуссионный тезис, Кирилл Эдуардович нарушил всю заранее спланированную логику лекции, но сумел переключить внимание со своей собственной персоны. Студенты зашумели, заспорили, начали что-то обсуждать между собой и, позволив этому движению свободно подышать секунд десять, он повысил голос и заговорил всё быстрее и эмоциональнее, притягивая их внимание, нарезая в их сознании болезненные раны сомнений, а потом ловко залечивая их чёткими аргументами и конкретными примерами. О важных предметах Кирилл Эдуардович умел говорить легко и очень понятно, и это было его козырем в любой беседе.

Лекция закончилась, студенты шумно расходились. Кирилл Эдуардович вернулся к столу и бессмысленно перекидывал в своей итальянской сумке какие-то вещи. Ему хотелось поскорее остаться одному. Общение с выпускниками, для которых он был случайным, чужим преподавателем, оказалось выматывающим, и он был рад, что его модный светло-коричневый пиджак прикрывает мокрую на спине рубашку.

Когда все ушли и в аудитории стало тихо, Кирилл Эдуардович поднялся по ступенькам к самым верхним рядам, которые заканчивались высокими арочными окнами. Повернулся. Постоял немного, чему-то улыбаясь, и сделал несколько шагов вниз. Сел на скамейку, положил руки на длинную парту, традиционно покрашенную в черный цвет. Эти парты перекрашивали часто, потому что, несмотря на все просьбы и угрозы, на них постоянно проступали вырезанные ножиком, нацарапанные скрепкой или написанные ручкой студенческие татуировки, летопись любви, дружбы, ревности, приправленная цитатами классиков.

И даже сейчас, второго сентября, Кирилл Эдуардович разглядел в стороне выведенную жирной ручкой простую, но ёмкую фразу: «Толя дурак!»

«А дурак ли этот Толя? – неожиданно подумал Кирилл Эдуардович. – Может быть, эта надпись и не оскорбление совсем, а чьё-то тайное признание в симпатии?» Он поднялся и пошёл к центральному выходу.

Только что прозвенел звонок на следующую пару и большое пространство, объединившее вокруг себя все три этажа, коридоры, арки, лестницы, кабинеты, большие и маленькие аудитории, стало быстро затихать: студенты и преподаватели расходились по лекциям и семинарам.

Через минуту Кирилл Эдуардович остался один. Сквозь стеклянную крышу лился яркий дневной свет, который внутри здания дробился на блики, подсвечивал каменный пол, колонны, балюстрады открытых этажей и делал ещё темнее и таинственнее уходившие вверх лестницы.

Напротив главной аудитории открывался высокий проход, через который можно было попасть в полукруглое, казалось, немного забытое помещение. На самом деле это был центральный вход в университетское здание. Его и сейчас открывали иногда по праздникам или для встречи важных гостей, но это случалось редко. А между этими событиями никому ненужный портал превращался в тупиковый, аппендицитный отросток, где перед экзаменами прятались интроверты или тайком целовались влюблённые. На студенческом сленге это место называлось «собачкой», потому что приходившие на занятия курсистки начала двадцатого века оставляли здесь на время своих питомцев.

Кирилл Эдуардович прохаживался по залу, представляя себя в центре маленькой Вселенной, и чувствовал, что реальность непостижимо перемешивается в нём с прошлым. Первокурсником именно здесь он впервые встретил Таню: подвижную блондинку с яркими голубыми глазами. Она прошла мимо, а он оглянулся и понял, что жизнь его изменилась.

Со стороны закрытого центрального входа послышался какой-то шум, который все усиливался и стал рассыпаться на звуки шагов, голоса и женский смех. Кирилл Эдуардович повернулся и увидел, что в зал выходят девушки. Их было много, они были возбуждённые, весёлые, но при этом какие-то необычные. Они проходили совсем близко, он вдыхал легкий запах незнакомых ароматов, слышал шуршание одежды, смотрел в их милые лица и никак не мог понять, откуда они взялись. Все они были одеты в платья, волосы аккуратно убраны в скромные причёски, на лицах никакого макияжа. Они были как будто из другой, прежней эпохи...

– Кирилл Эдуардович, – услышал он женский голос. – С вами всё в порядке?

Он словно очнулся и увидел перед собой двух улыбающихся девушек с распущенными волосами, в джинсах и ярких блузках. Они сильно отличались от тех, которые только что прошли мимо него.

– Да, конечно, – ответил Кирилл Эдуардович. – Задумался просто.

– У вас, наверное, столько воспоминаний, – сказала эффектная стройная брюнетка. – А мы только что слушали вашу лекцию про журналистов и блогеров. И, знаете, нам понравилось! Хотя, если честно, сначала все думали, что будет очень скучно. Меня, кстати, зовут Виктория, а это, – она кивнула в сторону подруги, – Аня.

– Таня? – переспросил Кирилл Эдуардович.

– Аня, – улыбнулась шатенка с карими, чуть раскосыми глазами, делавшими её лицо не только симпатичным, но и каким-то неповторимым.

– Извините, пожалуйста!

– Ничего. Мы хотели спросить, что интересного почитать о журналистике. Посоветуете?

Они прошли по залу, спустились по лестнице и остановились возле столовой. Кирилл Эдуардович порекомендовал им несколько книг и спросил:

– А почему вы не на занятиях?

– Если честно, – заговорщицки понизив голос сказала брюнетка. – Мы прогуливаем одну очень скучную лекцию по старославянскому языку. Никаких сил уже нет слушать все эти, – она произнесла с гротескным проносом, – кня-язи, мя-ясо!

– Я тоже старослав не любил, – признался Кирилл Эдуардович. – Пересдавал несколько раз.

– А ещё есть очень хочется! – добавила Аня. – Поэтому мы идём в буфет. Вы нас не сдадите?

– Не сдам, – улыбнулся Кирилл Эдуардович. – Приятного аппетита!

Девушки поблагодарили и ушли на свой поздний завтрак.

– А он ничего, этот журналист, – говорила брюнетка своей подруге, облизывая с верхней губы вкусную кофейную пенку. – Можно с ним и замутить.

– Смотри, Вика, обвинят потом в харассменте.

– А мне-то что? Его же обвинят, не меня.

Они обе расхохотались и так долго не могли успокоиться, что даже привычная к студенческим выходкам буфетчица крикнула им из-за витрины с пирожками и сосисками.

– Девочки, вы же здесь не одни!

Кирилл Эдуардович шёл по аллее к метро «Фрунзенская» в замечательном настроении. Первая лекция удалась, его тема была интересна, он не показался занудой, а рубашка под пиджаком высохла! И это восторженное состояние требовало какого-то продолжения, не пускало в одинокую квартиру, быстро ставшую чужой после развода.

Уже подходя к метро, Кирилл Эдуардович увидел, как несколько человек свернули в парк, и вдруг понял, чего хочет! Он заглянул в ближайший магазинчик и купил там бутылку красного вина. Положил её в свою сумку и вернулся ко входу в парк. Там, под высокими деревьями какой-то бывшей усадьбы, между извилистыми дорожками прятались детские и спортивные площадки, уединенные скамейки, и даже два пруда, в которых плавали утки, а иногда и лебеди.

Эта территория носила когда-то имя Мандельштама и долгое время студенты-филологи были уверены, что пьют пиво на скамейках парка, связанного со знаменитым поэтом. Но потом оказалось, что к Осипу Мандельштаму, репрессированному и запрещённому в советские годы, это уютное место не имеет никакого отношения, а названо по фамилии рабочего, активно свергавшего царскую власть. Это открытие стало неожиданным разочарованием, но прелести самого парка не испортило.

Здесь прогуливали лекции, чтобы не попасться на глаза преподавателям, обнимались с подружками, иногда тайком выпивали. И сейчас, после первой встречи со студентами, Кирилл Эдуардович словно впал в свою юность и ему ужасно захотелось дерзко выпить вина именно в этом парке, на какой-нибудь не очень заметной скамейке.

Он, конечно, прекрасно понимал, что эта спонтанная идея сильно отдаёт безрассудством. Начало своей преподавательской карьеры лучше было бы отметить с друзьями в ресторане. Но такие повзрослевшие встречи приходилось теперь планировать заранее, учитывая чужие графики и обстоятельства. И встреча могла все откладываться и откладываться, затягиваться на недели, а потом сама по себе отмереть, так и не состоявшись. А Кириллу Эдуардовичу хотелось прямо сейчас испытать, пережить заново прежние счастливые эмоции и что-нибудь обязательно при этом нарушить. Он откроет бутылку и сделает всего несколько глотков. В конце концов не такое уж это преступление, да и не заметит никто.

Отыскав свободную лавочку на одной из второстепенных аллей, где почти никто не прогуливался, он уселся на тёплое дерево и положил рядом с собой сумку, в которой лежала бутылка вина. Торопиться было некуда, разведённая жизнь высвободила много времени, и он наслаждался атмосферой этого милого парка, который за последние годы похорошел, привёл себя в порядок, но оставался все таким же родным.

Где-то вдалеке заиграла музыка, Кирилл Эдуардович прислушался и различил звуки духового оркестра. Играли мелодию знаменитого, немного печального вальса, который очень соответствовал его настроению. Он взглянул по сторонам, пытаясь понять откуда прилетают звуки труб, тромбонов и валторн, и заметил сквозь листву силуэт открытой эстрады-ракушки, на которой поблескивали на солнце духовые инструменты. В середине двадцатого века такие уличные центры культуры были чуть ли ни в каждом парке. На этих почти сельских сценах выступали артисты, играли оркестры, вокруг, прямо под открытым небом, танцевали пары. Кирилл Эдуардович немного удивился и обрадовался: в самом центре быстро меняющейся Москвы всё-таки нашлось место вымирающему культурному динозавру.

Эта деревянная эстрада, покрашенная в зелёный цвет, была частым персонажем его студенческой молодости. Здесь прятались от дождя, играли на гитарах, а иногда даже устраивали семинары.

Случалось, что в университете происходили накладки с расписанием, и тогда в одно время на одну аудиторию претендовали сразу две разные группы. Большинство преподавателей семинары просто отменяли, но некоторые, если на улице было тепло, предлагали студентам пойти в парк. Эти занятия всегда были не такие строгие, как в стенах университета, поэтому студенты с удовольствием соглашались. Ни стульев, ни скамеек в парке, конечно, не было, и они рассаживались на краю сцены этой самой эстрады, а иногда располагались и просто на траве. И обыкновенный семинар превращался в задушевный разговор.

Разглядывая своё прошлое, Кирилл Эдуардович негромко рассмеялся, и вдруг услышал рядом с собой грубоватое:

– Старик, ты над нами смеёшься? – Кирилл Эдуардович встрепенулся и увидел перед собой троих молодых парней с яркими разноцветными ирокезами на бритых головах, с татуировками на шее. – Над нами? – повторил самый крепкий из них.

– Нет, ребята, – искренне ответил Кирилл Эдуардович. – Я просто сижу, юность свою вспоминаю.

– Ну смотри, а то вспоминать будет нечем, – ответил всё тот же неформал, сплюнул на дорожку, и все трое не спеша удалились.

Кирилл Эдуардович выдохнул. Еще не хватало, чтобы в первый же день преподавательской карьеры его избili в любимом парке эти странные ребята с блестящими, слегка отсутствующими глазами.

Подождав, когда они отойдут подальше, Кирилл Эдуардович открыл свою сумку, не доставая бутылку, сорвал с нее обёртку и попытался пальцем вдавить пробку внутрь. Но этот простой фокус, который всегда получался в прежние годы, не сработал: вино было налито по самое горлышко и не оставило места для погружения пробки в стеклянные внутренности бутылки. Тогда университетский преподаватель прибегнул ко второму испытанному способу. Он достал ключи от квартиры, выбрал самый удобный, с острым кончиком, и начал потихонечку отковыривать пробку, стряхивая труху внутрь сумки. «Ничего, дома вытряхну», – думал увлеченный Кирилл Эдуардович, ловко орудуя ключом, как воришка отмычкой.

Наконец ему удалось почти полностью расковырять пробковый замок, охранявший вожделенное вино. Он наклонился, почти засунув голову в сумку, выдул из горлышка остатки пробковых крошек и пальцем продавил огрызок пробки в бутылку. Маленькая, но какая приятная победа!

Кирилл Эдуардович блаженно откинулся на спинку скамейки и понял, что больше не слышит духового оркестра. Он посмотрел туда, где только что играли музыканты, но не увидел ни отблесков труб, ни самой эстрады. На её месте четко просматривалась современная спортивная площадка. Кирилл Эдуардович даже зажмурился на секунду, но деревянная ракушка не вернулась. «И это я ещё не выпил», – негромко произнес вслух Кирилл Эдуардович и подумал, что очень давно не был в отпуске.

Он оглянулся по сторонам и, не заметив никого поблизости, достал бутылку из сумки, приложил её ко рту, сделал несколько глотков и быстро засунул обратно. Манёвр прошел превосходно, Кирилл Эдуардович остался доволен. В этом было какое-то особенное удовольствие, выпить вот так, в парке, прямо из горлышка, назло всем правилам и общественной морали. Конечно, он никогда бы не признался в этом публично, но в жизни каждого человека существуют маленькие радости, о которых совершенно не обязательно знать посторонним. И это делает их ещё значительнее.

Кирилл Эдуардович наклонился над сумкой, приложился к бутылке и глотнул ещё вина. В голове стала возникать приятная пустота, которая сдвигала куда-то в стороны надоевшие будни. Он вспомнил, как уже на старших курсах один из его приятелей решил для смелости выпить кружечку пива перед безнадежным экзаменом. Экзамен этот Женя сдать не рассчитывал, потому что за два семестра, поддавшись общей вольности распадавшейся в те годы страны,

ни разу даже не видел своего преподавателя. Это был такой пробный заход, чтобы покаяться, показать, что не совсем уж он безнадежный тупица, получить свою заслуженную пару, и, подучив что-нибудь по предмету, попытаться сдать на тройку через несколько недель.

Зайдя в простенькую пивнушку, он взял себе пива и, поскольку мест почти не было, попросился подсесть за столик, где уже обосновался грузный мужчина лет пятидесяти. Тот недовольно поморщился, но кивнул, а через несколько минут, разглядев в Жене неглупого собеседника, достал из своего портфеля завернутого в газету вяленого леща, которого они вместе с удовольствием распотрошили под хмельной горьковатый напиток и непринужденный разговор.

Совместное распитие было недолгим, потому что, как выяснилось, оба они спешили на экзамен и, посмеявшись этому совпадению, разошлись, а уже через два часа встретились в аудитории. Это было настолько невероятно, что они чуть не выдали своих эмоций, но всё-таки смогли притвориться незнакомыми.

Женя долго, бессмысленно смотрел в свой билет, дожидаясь, пока все остальные студенты ответят и уйдут, а потом сел за экзаменационный стол и, растягивая слова, стал оправдываться за свои прогулы. Через пару минут преподаватель, который неожиданно оказался заложником прогульщика, прервал эту тягостную исповедь:

– Должен признать, что несмотря на своё некорректное поведение вы... – он помолчал, потом открыл зачётку, написал что-то и передал её студенту. – Вам очень повезло! Идите и постарайтесь хоть чему-нибудь научиться.

Евгений выскочил в коридор и открыл зачётку. Напротив названия предмета стояла жирная четвёрка.

Кирилл Эдуардович почувствовал, что улыбается. Он опять достал свою бутылку и поднес её к губам.

– Распиваете в общественном месте, гражданин! – услышал он строгий голос и, как мальчишка, которого застали врасплох, быстро спрятал бутылку обратно в сумку.

К скамейке подходили двое охранников в черной униформе с цветными нашивками на рукавах.

– Ещё не успел, – соврал Кирилл Эдуардович. – Но теперь и не буду. Я вообще уже ухожу.

– Теперь не будете, конечно, – сказал один из охранников. – Потому что мы вам не позволим.

– И это правильно! – согласился Кирилл Эдуардович, застегнул сумку и поднялся, собираясь ретироваться.

– Куда же вы, гражданин? – его крепко взяли за руку.

– Мне пора. У меня сейчас деловая встреча, – продолжал придумывать Кирилл Эдуардович.

– Ничего, подождёт ваша встреча, – вежливо, но очень настойчиво говорил охранник. – Сейчас мы с вами вызовем полицию, составим протокол за распитие спиртных напитков в общественном месте. А потом вы сразу же направитесь на свою деловую встречу.

– Да вы что, парни! Ну это же несерьёзно! Я преподаватель университета, у меня сегодня первая лекция. Вот здесь рядом педагогический, знаете? Я там когда-то учился, теперь преподаю. Решил просто зайти, вспомнить молодость.

– Чему же вы научите своих студентов, гражданин преподаватель? – охранник уже легонько направлял Кирилла Эдуардовича в сторону выхода. – Здесь люди отдыхают, маленькие дети играют. А вы вино распиваете прямо из горлышка. Не стыдно вам?

– И в показаниях путаетесь, – проговорил его напарник. – То преподаватель, то первая лекция.

Поддавшийся напору парковых секьюрити Кирилл Эдуардович уже шагал между ними в сторону выхода.

– Мужики, я всё понимаю, – Кирилл Эдуардович решил изменить тактику. – У вас работа такая. И я, конечно, не прав. Давайте как-то по-доброму решим этот вопрос. Готов загладить свою вину в разумных пределах.

– Нет, не решим, – покачал головой один из охранников. – Сейчас приедут представители власти, с ними всё и решайте.

Пока ждали полицейский наряд, пока ехали в отделение, Кирилл Эдуардович, молча насупившись, ненавидел себя за свою неуместную постаревшую романтичность. «Господи, какой же я кретин! – восклицал он под куполом своего черепа, и эхо отзывалось ему гулками пульсирующими повторами. – Кретин, кретин, кретин... Взрослому, солидному человеку сейчас придется оправдываться, выклянчивать прощение, пытаться отблагодарить, да ещё так, чтобы не обиделись. И самое отвратительное, что формально они будут совершенно правы, и противопоставить этому нечего!» «А если ещё и в университет сообщат, – мелькнула пакостная мыслишка, – то с преподаванием можно сразу завершать. Даже если ректор простит по старой дружбе, история наверняка просочится в чужие уши, разойдется на слухи, и у студентов он будет ассоциироваться только с преподам-лохом, пойманным в парке за распитием алкоголя».

Домой Кирилл Эдуардович вернулся во втором часу ночи совершенно пьяным. И хорошо, что на завтра не было запланировано никаких встреч. Весь вечер он угощал начальника отделения полиции и его заместителя и развлекал их журналистскими байками. Узнав от своих подчиненных, что к ним попал какой-то журналиста, цинично распивавший алкоголь в парке, офицеры решили сами взглянуть на потенциального дебошира, и начальник неожиданно узнал Кирилла Эдуардовича. Оказывается, полгода назад они случайно пересеклись в приемной замминистра и даже перекинулись несколькими фразами, чего Кирилл Эдуардович искренне не помнил. Но, уцепившись за спасительную подсказку, он изо всех сил демонстрировал радость встречи, готовность продолжить такое важное для него знакомство и сам предложил провести вечер в ресторане. Новые знакомые отказываться не стали, с ловкостью факиров переоделись в штатское, и все вместе прибыли в гастрономическое заведение на служебной машине с мигалками. Расставались они почти друзьями, обнимаясь возле ресторана, и Кириллу Эдуардовичу было клятвенно обещано, что на их «земле» он теперь может распивать любые напитки в самых неожиданных местах.

Ко своей второй лекции Кирилл Эдуардович готовился всерьёз. Он набросал конкретный план, наспиговал его интересными примерами из собственной практики, которые должны были привлечь и удерживать внимание аудитории. Немного поразмыслив, он вставил в него и несколько курьёзных историй, рассудив, что если над ними хохотали полицейские, то, наверное, улыбнутся и студенты. Чтобы почувствовать себя более свободно, Кирилл Эдуардович даже репетировал, глядя в большое зеркало встроенного шкафа, и после нескольких часов жестикуляций и мимики решил, что заметно продвинулся в преобразении собственного ораторского образа.

Несмотря на то, что рубашка опять была мокрой, а заготовленные заранее мысли куда-то прятались и не сразу хотели возвращаться, вторая лекция проходила спокойней, а Кирилл Эдуардович смотрел на студентов увереннее. Его внимательно слушали, над его шутками смеялись. Постепенно начинало меняться и общее лицо смотревшей на него аудитории, которое превращалось в отдельные лица, глаза, улыбки. И большинство этих лиц были женскими, что так привычно для филологических факультетов.

Кирилл Эдуардович хорошо помнил, что и сам не собирался становиться учителем русского языка и литературы, а мечтал поступить на престижный в годы его юности исторический факультет, выпускники которого часто делали успешную административную карьеру. Вступительные экзамены он не провалил, но баллов недобрал и уже разочарованно готовился устра-

иваться на какую-нибудь временную работу, когда человек пятьдесят, таких же, как и он, сбитых абитуриентов пригласили на встречу с ректором.

Неудачники расселись за большим круглым столом в зале заседаний, и стало понятно, что пригласили только парней. Через пять минут появился ректор и предложил им без дополнительных экзаменов перейти на филфак, честно признавшись, что рассчитывает за счёт них сгладить гендерное неравенство. Такой хитрый фокус с переманиванием ребят на девичий факультет ректорат проделывал три года подряд, и это были самые живые и весёлые курсы.

Читая лекцию, Кирилл Эдуардович часто поглядывал на Вика и Аню, инстинктивно цепляясь взглядом за знакомые лица.

– Ты заметила? – шепнула Вика своей подруге. – Он постоянно на нас смотрит!

– Да ладно, не придумывай, – не глядя на нее отвечала Аня. – Он на всех смотрит.

– Нет, ты понаблюдай. На нас он смотрит чаще, чем на других. Вот опять посмотрел!

Вика поймала взгляд лектора и улыбнулась ему. Кирилл Эдуардович немного смутился и стал смотреть на девушек реже.

– Ты видела, видела! – говорила Вика в самое ухо Ане. – Он заметил мою улыбку и засмутился! Я ему нравлюсь.

– Вика, что ты творишь?

– А что такого? Я не могу улыбнуться преподавателю? Мне нравится, как он держится, как говорит. Он стильно одевается. И вообще он симпатичный мужик.

– Он старше тебя в два раза!

– Ну и что! Ты же знаешь мою слабость ко взрослым мужчинам. Они уже состоявшиеся, заботливые, при деньгах. С ними интересно. И в постели они ещё не старые.

Они обе засмеялись, прикрыв лица ладонями.

– К тому же, – Вика успокоилась первой, – он, как выяснилось, развёлся, а значит, свободный.

– Совершенно не обязательно, – возразила Аня. – Может, у него есть кто-то.

– А это уже детали. Надо будет ещё что-нибудь у него спросить.

Уже завершая, Кирилл Эдуардович посмотрел на часы: до конца пары оставалось пять минут.

– Сегодня мы говорили, что настоящий журналист должен быть наблюдательным, уметь замечать и анализировать самые разные, иногда кажущиеся ничтожными детали. И в продолжение этой мысли я хочу у вас спросить. – Кирилл Эдуардович сделал несколько шагов к выходу из аудитории. – Зачем здесь ступеньки и как они появились?

– Это же просто, – ответил кто-то. – Потому что в аудитории пол выше, а в зале ниже.

– Так, – согласился Кирилл Эдуардович. – А почему нельзя было сделать полы на одном уровне?

– Наверное, архитектор так задумал, – выкрикнули с передних рядов.

– Возможно, – улыбнулся Кирилл Эдуардович. – Но посмотрите теперь на балконы.

Взгляды студентов устремились на балконы, которые двумя рядами нависали с обеих сторон аудитории. Там годами пылились разные хозяйственные артефакты, которые было жалко выбросить.

– Нормальные балконы. Ничего особенного.

– Они слишком низко висят над полом и как будто давят сверху, – раздался женский голос.

– Кто это сказал? – спросил Кирилл Эдуардович.

– Я, – руку подняла девушка с необычным разрезом глаз.

– Анька, – прошептала Вика своей подруге. – Что ты несёшь? Куда они давят.

– Вас, кажется, Анна зовут? – уточнил Кирилл Эдуардович.

– Да.

– Вы абсолютно правы! Приглядитесь, балконы эти как будто прилепила кухарка, ничего не смыслящая в гармонии пропорций. Талантливый архитектор, который создал это замечательное здание, никогда бы так не поступил! Все дело в полах. – Кирилл Эдуардович несколько раз топнул ногой. – И в человеческой лени. Когда-то наш центральный зал и все три большие аудитории были на одном уровне. Но в зале полы каменные, а в аудиториях деревянные, и когда они ветшали, вместо замены их просто накрывали новыми досками. И за сто лет полы эти выросли на метр, а потолки и балконы визуально опустились. Я очень надеюсь, что когда-нибудь эта архитектурная несправедливость будет исправлена.

Когда лекция закончилась, и студенты стали расходиться, Кирилл Эдуардович открыл свою сумку и достал четыре книжки. Положил их на стол, подождал, когда спустятся Вика с Аней и жестом попросил их подойти.

– Вы спрашивали, что почитать по журналистике, – он показал на книги. – На мой взгляд, это лучшее, что сейчас можно найти в магазинах. Забирайте!

– Какая прелесть! – Вика сделала свои глаза ещё больше. – Это подарок мне?

– Это вам с Аней...

– А вы всем книжки дарите? – вокруг стола собирались студенты.

– Нет, – усмехнулся Кирилл Эдуардович. – Только самым любознательным.

Несколько рук уже листали книги.

– Анна, – возмутилась Вика. – Мы сейчас останемся без нашего подарка!

– Я не останусь, – Аня быстро взяла со стола последнюю книгу.

– Вика, – крикнул какой-то парень, выбегая из аудитории с книжкой в руках. – Почитаю, потом тебе верну! Ладно? – И, не дожидаясь согласия, исчез в дверях.

– Да это грабёж какой-то! – Вика готовилась всерьёз обидеться на своих однокурсников. – Мы сами сначала почитаем! – Она забрала из других рук две ещё не сбежавшие книги и прижала к груди.

– А другие архитектурные приколы в нашем здании есть? – спросила высокая девушка в круглых, чуть затемнённых очках.

– Да оно почти всё из них состоит, – Кирилл Эдуардович посмотрел вокруг. – Как будто нарочно строили, чтобы студенты разгадывали архитектурные шарады. Даже сама форма уникальна. Кто знает, на что похожа?

– На веер! – сказал кто-то.

– Точно, – подтвердил Кирилл Эдуардович. – Его ручка – наш центральный вход на перекрёстке, а пластины раскрываются в сторону внутреннего двора. Так что мы с вами стоим сейчас внутри испанского веера.

– Про это мы слышали! – рядом с Кириллом Эдуардовичем осталось человек десять. – А ещё что-нибудь интересное покажете?

В аудиторию уже заходили студенты другого курса, через несколько минут начиналась следующая лекция.

– Покажу, если хотите. Только у вас сейчас другая пара, наверное?

– У нас пустая пара, – сказали несколько человек.

– А мы, – Аня смотрела на него, слегка наклонив голову набок, – такие любопытные, что ради секретов готовы и прогулять.

– Да, я готова! – сказала Вика, которую никто не спрашивал.

– А потом я буду виноват, что сделал из вас прогульщиков, – улыбнулся Кирилл Эдуардович.

– Подумаешь, опоздаем на десять минут, – сказал студент с чахлой, смешной бородкой.

– Вы боитесь? – спросила Аня.

– Хорошо, пойдёмте, – сказал всем Кирилл Эдуардович, но посмотрел при этом только на Аню. – Я загадаю вам ребус, на которой вы ответите мне на следующей лекции. И тот, кто догадается первым, получит преимущество на зачёте.

Он взял свою сумку и направился к выходу из аудитории. Обрадованные маленьким приключением и возможностью легко проскочить зачёт студенты пошли за ним. Последней из аудитории в некоторой задумчивости спустилась Вика, которая хорошо видела, как минуту назад Кирилл Эдуардович и Аня впервые взглянули друг на друга не как преподаватель и студентка, а как мужчина и женщина.

Кирилл Эдуардович прошагал в центр зала с колоннами и остановился. Подождал, пока все соберутся вокруг него.

– Посмотрите вон туда, – он показал рукой. – Перед нами три главных аудитории, а между ними две лестницы, которые, как все вы прекрасно знаете, ведут вниз к буфету, гардеробу и выходу из здания.

– Знаем, – подтвердила девушка в круглых очках.

– Отлично! Они же одинаковые, правда?

– Абсолютно одинаковые, – сказала Вика.

– А вот и нет! – Кирилл Эдуардович иронично посмотрел на своих студентов. – И к следующей лекции вы должны будете рассказать мне, в чем разница и для чего она задумана. До встречи! – он закинул свою сумку на плечо, и, не оглядываясь, пошёл к выходу.

Он шел и улыбался. Концовка сегодняшней лекции получилась эффектной.

Кирилл Эдуардович спустился по лестнице, повернул к выходу и увидел, что навстречу ему, с гитарой на плече, идёт Юрий Визбор. Поравнявшись со знаменитым бардом, Кирилл Эдуардович инстинктивно поздоровался. Визбор удивлённо на него посмотрел, сказал: «Добрый день», – и прошёл мимо.

Пройдя по инерции ещё шагов десять, Кирилл Эдуардович остановился возле выхода. Он знал, конечно, что Юрий Визбор давно умер, но встреча была настолько реальной, что Кирилл Эдуардович погрузился в некоторое смятение. Несколько секунд он просто стоял, глядя в одну точку, а потом обратился к охраннику, который вышел размяться из своей будки:

– Скажите, а Вы видели, кто сейчас прошёл мимо меня? Мы ещё с ним поздоровались.

– Да видел, – спокойно ответил охранник.

– И кто же это был? – осторожно поинтересовался Кирилл Эдуардович.

– Наш электрик, Сан Саныч.

– А что у него было на плече? – не сдавался Кирилл Эдуардович.

– На плече он лестницу нёс. На втором этаже лампочка перегорела, он её менять пошёл.

– Понятно, – произнёс Кирилл Эдуардович и пошёл к выходу, подумав, что в ближайшие дни всё-таки придётся навестить доктора.

– Может быть, принести вам чай или кофе? – спросила излишне доброжелательная, словно заранее сочувствующая девушка.

– Принесите стакан простой негазированной воды, – ответил Кирилл Эдуардович.

– Хорошо, – она кивнула и отошла.

Сбежав с работы, Кирилл Эдуардович сидел в приемной частного психиатра. Несколько дней назад, удивленный и немного даже напуганный своими непрекращающимися видениями, он записался на приём к довольно известному московскому психологу, о работе которого в интернете было много лестных отзывов. Психолог внимательно выслушал откровения Кирилла Эдуардовича о толпе курсисток из прошлого века, старой парковой эстраде, барде Визборе и покачал головой.

– При всём желании помочь вам и даже заработать на вас, боюсь, моих компетенций в данном случае не хватит. Я думаю, – он говорил очень вежливо, почти задушевно. – Вам стоит проконсультироваться с психиатром.

– Неужели сразу с психиатром? – заволновался Кирилл Эдуардович.

– Не следует этого бояться. У меня есть знакомый профессор, доктор наук. Замечательный специалист! Мы иногда работаем с ним в паре, – психолог уже что-то писал карандашом на небольшом листке бумаги. – Он очень добрый, отзывчивый человек и при этом совсем неболтливый: прекрасно знает, что такое врачебная тайна. Насколько я понимаю, это для вас важно?

– Очень, очень важно! Дело в том, что я журналист, а недавно ещё преподавать стал. Поэтому, если информация о моих... – Кирилл Эдуардович подбирает слова.

– Ваших новых необычных впечатлениях, – подсказал собеседник.

– Вот именно! – обрадовался Кирилл Эдуардович. – Куда-нибудь просочится, я могу просто остаться без работы.

– Я понимаю. Я всё понимаю, – закивал психолог и протянул листок. – Вот, возьмите контакты доктора. Когда будете записываться на приём скажите, что от меня. И у вас не спросят ни документы, ни фамилию, что будет гарантией неразглашения....

– Пожалуйста, ваша вода.

– Спасибо, – Кирилл Эдуардович взял стакан из рук девушки.

– Доктор примет вас минут через десять.

– Хорошо, – Кирилл Эдуардович откинулся на спинку дивана, отпил воды.

Никогда в жизни он не ходил ни к психологам, ни тем более к психиатрам. Только для получения справок на водительские права о том, что не состоял на учёте. Контакты с этими врачами всегда казались ему какими-то абсурдными и даже унижительными. Он и сам может справиться с самим собой! Но сейчас он чувствовал, что сознание помимо его собственной воли погружается в какой-то невообразимый хаос.

Прикатив на очередную лекцию на машине, Кирилл Эдуардович свернул на Малую Пироговскую и резко ударил по тормозам. Прямо перед его автомобилем не спеша переходил дорогу бывший декан филфака Владимир Луков, который умер несколько лет назад. Владимир Андреевич улыбнулся, даже помахал рукой и скрылся в университетском дворе. Позади завопили сразу несколько клаксонов. Кирилл Эдуардович включил аварийку и вытер ладонью выступивший на лбу пот.

Он сидел за рулём машины и старался глубоко дышать. Профессор филологии, доктор наук Луков нередко помогал Кириллу и таким же, как он, не очень прилежным студентам, хорошо понимая, что оценки и правильное произношение старославянских слов не самое главное в созревании личности. И Кирилл Эдуардович был ему очень благодарен за эту мудрость, не раз спасавшую от неприятностей. Но эта очередная галлюцинация была уже не просто забавным видением из прошлого, она вполне могла привести к реальной аварии в настоящем.

Склонный к самоанализу Кирилл Эдуардович и сам, конечно, пытался разобраться в причинах этих наваждений. Последние месяцы на него посыпались противные неприятности, и он надеялся, что пережить их поможет возвращение в родной университет. Но, возможно, именно это событие и вывернуло наизнанку его растревоженное сознание.

Вслед за неожиданным разводом у Кирилла Эдуардовича сменился работодатель. Интернет-издание, которым он руководил, купил новый бизнесмен. И не то, чтобы он был значительно хуже предыдущего, но просто с первых же минут знакомства они с Кириллом Эдуардовичем как-то взаимно друг другу не понравились. И эта ничем не мотивированная интуитивная неприязнь уже сказывалась на их совместной работе. Сначала она поблёскивала разными мелочами, раздражавшими, но не имевшими принципиального значения, но постепенно стала болезненно нарываться серьёзными спорами о перспективах развития, а поскольку Кирилл Эду-

ардович был хоть и влиятельным, но всего лишь наёмным менеджером, то результат таких дискуссий предугадать было несложно...

– Проходите пожалуйста, – Кирилл Эдуардович услышал женский голос и поднял голову. – Профессор вас ждет.

Помещение, где принимали душевнобольных, прикидывалось уютной гостиной. Когда Кирилл Эдуардович вошёл, ему навстречу поднялись двое мужчин. Они поздоровались и расположились в очень удобных креслах, поставленных так, что из любого можно было легко наблюдать за собеседниками.

– Кирилл Эдуардович, – заговорил мужчина, который был постарше и полностью бритый. – Вы не против если мы побеседуем втрём? Мой коллега, – он кивнул на человека лет тридцати, заросшего бесформенный густой бородой, – ещё молодой, но уже очень опытный врач. Я полагаю, что его мнение будет весьма полезно.

Бородатый слегка наклонил голову.

– Но если вы возражаете, – профессор заметил сомнение на лице Кирилла Эдуардовича, – то мы продолжим в формате тет-а-тет.

– Я, может, и не против, – ответил Кирилл Эдуардович. – Для меня главное, чтобы наш разговор не оказался потом в интернете.

– Это само собой разумеется! – профессор развел короткими ручками. – Мы даже и фамилию вашу не знаем. Да и настоящее ли у вас имя, – он очень коротко улыбнулся. – Нам тоже неизвестно. Поэтому можете смело и откровенно делиться с нами любыми проблемами.

– Ну хорошо, – вздохнул Кирилл Эдуардович и подробно рассказал о своих необычных видениях, о безуспешных попытках провести самоанализ и посмеяться над этим абсурдом.

– То есть вы отдаёте себе отчёт в том, – спросил профессор, очень внимательно и серьезно выслушав исповедь Кирилла Эдуардовича, – что эти образы являются только результатом вашей фантазии, а не реальными событиями?

– Конечно отдаю! – возмутился Кирилл Эдуардович. – Я же не сумасшедший!

– Конечно, конечно! – поспешил согласиться собеседник, но сделал это как-то слишком театрально, так что у Кирилла Эдуардовича зародились какие-то неясные сомнения в его искренности. – Я уточняю только потому, что это очень важно для понимания общей картины и составления плана по вашему восстановлению.

– Другое дело, – негромко проговорил Кирилл Эдуардович, – что видения эти хоть и полная ерунда, но, когда они возникают, отличить их от реальности просто невозможно.

– Это ничего. Это бывает, – мягко успокаивал доктор. – Скажите, а Вы давно были в отпуске?

– Года полтора назад.

– Вот это нехорошо, – он покачал бритой головой. – Отдыхать нужно регулярно, иначе усталость, которая сначала может быть и незаметной, накапливается и приводит к различным нарушениям. А почему вы не брали отпуск? Работы много?

– И работы тоже, – Кирилл Эдуардович рассказал о напряженной обстановке после смены бенефициара.

– А было что-то ещё, правда?

– Недавно ушла жена, а через две недели после этого меня избили и ограбили в подъезде.

– Господи! – всплеснул руками профессор и даже немного подпрыгнул на своём кресле то ли от удивления, то ли от радости. – Так что же вы сразу не сказали! Это просто замечательно!

– Что же тут замечательного? – посмотрел на него Кирилл Эдуардович.

– Замечательно, что нашлись мотивы и причины изменения вашего сознания, – доктор постарался пригасить свои эмоции. – А, значит, мы поймем, как вам помочь...

Когда дверь кабинета за Кириллом Эдуардовичем закрылась, профессор радостно вскопчил, подошёл к своему бородатому коллеге и слегка приобнял его за плечи.

– Какой экземпляр нам попался! Регулярные галлюцинации на фоне посттравматического синдрома, замешанные на воспоминаниях об ушедшей юности! И всё потому, что ничего лучшего в его жизни не было! Поэтому он и возвращается в счастливое прошлое, дерзко диссонирующее с его нынешним состоянием. Я просто уверен, что его психика продолжит разрушаться, галлюцинации будут прогрессировать! А это значит, – он возбуждённо ходил между креслами, жестикулируя своими ручонками, – что появился прекрасный материал для вашей диссертации, коллега! Поздравляю! И я с радостью стану вашим научным руководителем. Теперь главное, чтобы он не сбежал в другую клинику и не выпал из-под нашего наблюдения.

Кирилл Эдуардович вышел из приемной, спустился по лестнице, нажал кнопку электронного замка на входной двери и оказался в небольшом переулке в центре Москвы. Он взглянул на фасад милого двухэтажного особнячка, дверь которого захлопнулась с лёгким щелчком, и ещё раз порадовался тому, что рядом с ней не было никакой таблички, способной выдать причину его визита.

Кирилл Эдуардович повернул налево и направился в сторону ближайшего метро. Он шёл по улице, дышал прохладным осенним воздухом, считал окна в домах и получал наслаждение от этих совсем простых действий. В кармане его пиджака лежал сложенный вчетверо листок бумаги. На нем крупными кривыми буквами в эпоху сенсорных экранов были написаны совершенно невыполнимые медицинские рекомендации. Ему предписывалось на время бросить все работы, найти новое романтическое увлечение, пропить курс успокаивающих препаратов, не злоупотреблять спиртным и немедленно уехать в отпуск. Полезность этих перемен Кирилл Эдуардович и сам прекрасно понимал, но реализовать не мог.

Молодой бородатый врач, мнение и ценные советы которого были так необходимы профессору, за всё время консультации не произнес ни слова. Только в самом конце он грустно вздохнул и сказал очень странную фразу:

– Знаете, иногда со своими глюками проще примириться, чем бороться. По себе знаю...

Услышав это глубокомысленное высказывание своего коллеги, профессор сначала неуверенно засмеялся, потом закашлялся и заверил, что юмор в их работе иногда просто необходим.

Но, как ни странно, именно эта мысль больше всего и запомнилась Кириллу Эдуардовичу. Он не мог сейчас взять отпуск, потому что это было равносильно увольнению с обеих работ, не мог уволиться – надо было на что-то жить, сомневался в необходимости глотать прописанные таблетки, не знал, как моментально влюбиться и очень хотел выпить. И выходило, что из всех мудрых предписаний ему действительно подходило только родственное примирение со своими галлюцинациями, о чём случайно или намеренно проговорился в конце встречи молчаливый бородатый доктор.

Проанализировав всё это по дороге домой, Кирилл Эдуардович решил наплевать на рекомендации врачей, которые не понимали его жизненных обстоятельств и к тому же по себе знали, что такое глюки. Он зашёл в ближайший магазин, купил там бутылку вина, готовый салат, пару сэндвичей и мясную нарезку.

Сегодня он решил провести маленький эксперимент над самим собой. Все его видения, которые совпали с началом педагогической карьеры, возникали исключительно на трезвую голову. А что же будет, если он напьётся? Да, он здорово набрался с полицейскими, но тогда он выпивал в компании, и, возможно, это общество отпугнуло фантомы из прошлого. Теперь он попробует изменить своё сознание наедине с бутылкой.

Он помыл руки и прошёл в гостиную. Несмотря на одиночество, ему захотелось поужинать за большим столом, как будто он всерьёз рассчитывал на случайных гостей. Достал из пакета закуски, открыл бутылку, налил в бокал вина. Внимательно рассмотрел его на свет

люстры и твёрдо пообещал себе: какие бы гости ни посетили его этим вечером, он примет их совершенно спокойно, без всякого страха, но ни за что не станет выходить из квартиры и тем более на балкон. Установив заградительные барьеры, Кирилл Эдуардович улыбнулся и пригубил вина.

Не прошло и десяти минут, как привычное сознание начало меняться, и мозг, оставаясь внутри головы, будто повис в невесомости. Но это было приятное и совсем не страшное ощущение, потому что возникшая пустота была живой. Он выпил ещё вина, закусил кружочком сырокопчёной колбасы и сел за стол. Перед ним стоял один бокал, на тарелке лежала одна вилка, но при этом он совершенно не чувствовал себя одиноким...

В ушах зазвенел дверной звонок. «Началось!» – подумал Кирилл Эдуардович и поудобнее уселся на стуле. Он ждал, что звуки превратятся в образы, но звонки в дверь продолжались, а через пару минут и мобильник заиграл приевшейся мелодией: на экране высветился номер подруги бывшей жены. Кирилл Эдуардович немного поморщился, но ответил:

– Привет!

– Привет, Кирюша! Чего дверь не открываешь? Я знаю, что ты дома!

– Да я, – замялся Кирилл Эдуардович, – в ванной был. Не слышал.

– Ну теперь услышал? Давай открывай!

Кирилл Эдуардович отключил телефон, поднялся с кресла и пошел открывать, жалея, что вместо видений к нему пожаловали незваные гости.

Светлана ворвалась в открывшуюся дверь и сразу же заговорила, задвигалась.

– Проезжала мимо, смотрю в окне свет горит. Значит, дома! – Она поцеловала его в щеку. – Подумала, сидит один. Грустный, голодный. – Она поставила на пол два пакета. – И решила спасти твой вечер! Зашла в магазин, всё купила и сейчас буду тебя кормить. – Я Иркины тапки надену? Она же их не забрала, наверное. – Светлана уже открыла шкаф и достала тапки сбежавшей жены. – Ты мне не рад, что ли?

– Ну почему же, – Кирилл Эдуардович попробовал улыбнуться. – Просто очень неожиданно.

– Ты же сам говоришь – самые лучшие встречи всегда спонтанные. Так что радуйся и отнеси пакеты на кухню. – Она поправила волосы перед зеркалом в прихожей и по-хозяйски заглянула в гостиную. – Да ты уже выпиваешь! Кирилл, – она укоризненно посмотрела на него, – нельзя пить одному! Это верный признак начинающегося алкоголизма. Я понимаю, тебе сейчас нелегко, но ты хотя бы друзей приглашай! И я всегда разделю твои переживания.

Кирилл Эдуардович с пакетами в руках стоял у двери в гостиную.

– Ну что ты там встал! Заходи, не стесняйся! – расхохоталась Светлана. – Раз уж ты в комнате решил ужинать, давай здесь и продолжим. Ты какое вино пьёшь? – она взглянула на бутылку. – Отлично! Я тоже купила красного.

Кирилл Эдуардович машинально выкладывал на стол закуски, на которые не поспешила Светлана.

– Сколько же ты всего накупила, Света. Мне этого и за неделю не съесть.

– Ничего, я помогу. – Она оторвалась от банки с красной икрой, которую собиралась превращать в бутерброды, и опять поцеловала его в щеку.

На следующее утро Кирилл Эдуардович открыл глаза в начале одиннадцатого и очень обрадовался, что проснулся один. Света уехала уже ночью, ужасно злая и обиженная на дурака Кирюшу.

– Только сумасшедшие придурки отказываются от своего счастья, которое само к ним приходит, да ещё икру с вином приносит! – бросила она ему перед тем, как громко хлопнуть входной дверью.

– А я и есть сумасшедший, – произнёс Кирилл Эдуардович в закрытую дверь.

После развода Кирюши Светлана почему-то решила, что должна непременно устроить его личную жизнь. И не с кем-нибудь, а именно с собой. Со стороны Кирилл Эдуардович и правда мог показаться одиноким и брошенным. Жена в свои сорок два года влюбилась в другого мужчину и ушла, не испугавшись любых перемен. Это было неприятно, но даже взрослый сын обрадовался, что родители наконец-то перестанут ссориться.

Заводить отношения с подругой бывшей жены Кирилл Эдуардович считал ужасной пошлостью, достойной только дешёвых телевизионных сериалов, о чём вчера честно сказал Светлане после второй бутылки вина и бутербродов с икрой. Это искреннее признание вызвало целый вихрь эмоций, в котором закружились и слёзы, и крики, и упреки в неблагодарности. Но, оставшись один, Кирилл Эдуардович испытал блаженное умиротворение и пожалел только о том, что его эксперимент безрезультатно провалился.

Через три дня, выспавшийся и чисто выбритый, Кирилл Эдуардович шагал по аллее от метро Фрунзенская в сторону своего университета, где через полчаса начиналась его лекция. Настроение было неожиданно хорошим, хотя конкретных поводов для этого, казалось, и не было.

– Здравствуйте! – его обогнали двое парней.

– Доброе утро! – ответил Кирилл Эдуардович, узнав своих студентов.

– Привет! – раздалось с другой стороны, и, повернувшись, Кирилл Эдуардович с удивлением увидел своего студенческого друга Михаила.

– Миша, ты здесь откуда?!

– Соскучился по альма-матер!

– Я очень рад тебя видеть. – Кирилл Эдуардович замедлил шаг. – Дай обниму!

– Мужик, ты обалдел! Нетрадиционный, что ли?!

Кирилл Эдуардович ошарашенно смотрел на усатого дядьку лет шестидесяти в кожаной куртке и кепке.

– Нет, я вполне традиционный.

– Так что ж ты лезешь тогда?!

– Извините, я просто обознался.

– Обознался он, – недовольно пробурчал мужик. – А вроде трезвый ещё.

Усатый отвернулся и стал удаляться. На ходу он несколько раз обернулся, словно опасаясь, что его могут преследовать.

Кирилл Эдуардович отошёл к краю аллеи и сделал вид, что завязывает шнурок на ботинке. Огляделся по сторонам: люди шли мимо, не обращая на него никакого внимания. Кирилл Эдуардович немного отдышался и побрёл к университету. И почти сразу же рядом опять возник Михаил.

– Ну и на кой чёрт ты это вытворяешь? – негромко спросил Кирилл Эдуардович.

– Да классно же вышло! – Миша еле сдерживал смех. – Я был уверен, что тебе понравится! Ты же всегда любил поржать! Или забыл, как ты своим идиотским хохотом срывал занятия на первых курсах? Тебя считали придурковатым подростком и выгоняли с семинаров. Я вообще удивляюсь, как тебя преподавать-то взяли? Ты же, наверное, на всех лекциях хохочешь сам с собою!

– Хватит меня воспитывать, а?! Ты же со мной вместе и ржал.

– Но выгоняли тебя!

– И зачем вот так являться! Позвонить не мог или написать? Встретились бы нормально.

– Да когда мы последний раз встречались? Ты хоть помнишь? А я тебе скажу – это было прошлым летом.

– Ну знаешь, ты сам виноват! Из дома тебя не вытащишь, вечно какие-то отговорки.

– А ты попробуй. – примирительно сказал Миша. – Ладно, скажи мне лучше, почему ты Светку три дня назад выгнал? Симпатичная же девчонка.

– Не хочу я с ней ничего! Зачем мне это?

– Ну как зачем?! Ты свободный, ещё не старый мужчина, она не связанная штампом в паспорте милейшая женщина. Почему бы и нет? Ты же традиционный парень, как недавно признался случайному прохожему!

Михаил захохотал, и Кирилл Эдуардович, на мгновение забыв, что беседует с собственной галлюцинацией, прошипел:

– Что ты ржёшь как сумасшедший!

– Я?! Я сумасшедший?! – Миша захохотал ещё громче. – Не волнуйся, никто, кроме тебя, не слышит! А хочешь, я скажу, почему ты не стал спать со Светкой? Даже если не захочешь, скажу: ты запал на свою студентку!

– Ничего я не запал!

– Запал, запал! Я же тебя знаю лучше, чем ты сам. Она напомнила тебе первую любовь. Она вроде и не похожа совсем, но какое-то общее настроение, рисунок движений, интонации в улыбке. И теперь ты не знаешь, что делать с этим, неожиданно вернувшимся чувством. Только ты уже не ровесник ей, а папа!

Михаил гадко захохотал и пропал. Кирилл Эдуардович подходил к зданию университета. Справа от входа на каштане желтели широкие листья.

Кирилл Эдуардович достал телефон, до начала лекции оставалось ещё минут пятнадцать, и набрал номер Михаила. Тот подошёл не сразу и ответил сонным голосом.

– Ну что ты меня будишь в такую рань?

– Какая же рань! Почти одиннадцать. Опять телевизор смотрел полночи?

– Да, смотрел!

– Неделя, видно, нерабочая?

– Угадал.

– Давай сегодня часа в четыре встретимся? Пообедаем где-нибудь.

– Сегодня? – протянул Михаил. – А что за спешка такая?

– Да уж какая спешка! Больше года не виделись.

– Зато мы регулярно переписываемся.

– Скажи ещё, что у нас роман в письмах.

– А что? Хороший жанр. И снова обретает популярность, – было слышно, как Миша потягивается.

– Ты с темы-то не соскакивай. Встречаемся сегодня или нет?

– Слушай, ну это так неожиданно. Надо же подготовиться. Может, завтра?

– А ты как готовится-то собрался? Бальное платье гладить будешь? Просто пообедаем и всё.

– А коньячку выпьем?

– Выпьем по чуть-чуть.

– А где?

– Я придумаю и напишу тебе адрес.

– Во сколько встречаемся? В четыре?

– Да, в четыре.

– Столик закажешь?

– Закажу. Только ты не опаздывай.

– До встречи, камрада!

Кирилл Эдуардович быстро нашёл в интернете сайт ресторана и заказал столик на двоих. На пять часов вечера.

Очередная лекция была посвящена установлению доверительных контактов между журналистами и ньюсмейкерами.

– Нередко рабочие отношения перерастают в приятельские и даже дружеские, – рассказывал Кирилл Эдуардович. – И тогда общение происходит не только на пресс-конференциях или в кабинетах, но и в ресторанах, в самолетах, при самых разных обстоятельствах. И, конечно, откровенность таких неформальных бесед возрастает многократно, поэтому настоящий журналист всегда знает больше, чем может сказать вслух.

– Это значит, что у нас есть цензура? – спросил один из студентов.

– У меня в аудитории цензуры нет, – отшутился Кирилл Эдуардович.

– Поэтому мы можем задавать вам любые вопросы? – поинтересовалась Вика.

– Попробуйте, – Кирилл Эдуардович засунул руки в карманы брюк.

– Вы сказали, – Вика решила не откладывать, – что рабочие отношения нередко становятся дружескими.

– Сказал.

– А как у журналистов складывается с противоположным полом? Или вы верите в дружбу между мужчиной и женщиной?

Несколько человек засмеялись.

– Не очень, – честно признался Кирилл Эдуардович.

– И как же быть? – Вика улыбалась ему с четвертого ряда, который был почти на одном уровне с лицом стоявшего перед студентами преподавателя.

– Вы хотите узнать, случались ли у меня служебные романы?

– Хотим! – подтвердила Вика.

– Да, – Кирилл Эдуардович спокойно улыбался. – И я об этом ничуть не жалею. А теперь давайте вернемся к теме...

На этой лекции Кирилл Эдуардович впервые почувствовал, что получает удовольствие от общения со студентами. Нервозность первых занятий проходила, он видел заинтересованность своих слушателей и начинал предугадывать, в каком месте они засмеются, где задумаются или поспорят. И это позволяло ему управлять коллективными эмоциями, делая общение живым, но не панибратским. Единое лицо аудитории без всяких индивидуальных черт, смотревшее на него в самом начале, теперь все больше распадалось на отдельные личности, которые он узнавал, с которыми шутил или дискутировал.

Но прав был друг Миша, одно лицо вызывало у Кирилла Эдуардовича особые эмоции. Он старался не смотреть на Аню, но постоянно замечал, что она засмеялась, нахмурилась и стала серьезной, поднесла кончик ручки к губам. И он испытывал щемящее чувство, которое доставляло давно забытую горьковато-грустную радость.

Иногда они на мгновение встречались взглядами, и тогда по его телу пробегали толпы мурашек, а дыхание сбивалось, и он вынужден был маскировать этот прыжок в пропасть лёгким покашливанием. Она была совершенно не похожа на его студенческие влюблённости, но непостижимо превращалась в их продолжение.

– Про архитектурную загадку не забыли? – спросил Кирилл Эдуардович в конце лекции.

– Не забыли! И даже отгадали! – раздалось сразу несколько голосов, и её голос прозвучал среди них особой ноткой.

– И в чём же там дело? – теперь он, не отрываясь, смотрел на Анну.

– Давайте я расскажу, – Аня поднялась и заговорила громче обычного, чтобы заглушить остальных. – Мы долго не могли понять, но потом всё-таки догадались. – Она сделала крошечную паузу. – Эти лестничные проёмы разные по ширине!

– Правильно, – подтвердил Кирилл Эдуардович.

– Но это ещё не всё. – Она уперлась руками в парту. – Чтобы эта разница в размерах была не так заметна, архитектор сделал в стенах узкого прохода небольшие полукруглые ниши, которые его как будто расширили и почти стёрли визуальные различия.

– Молодцы! – Кирилл Эдуардович улыбался. – С наблюдательностью у вас всё в порядке!

– Не ожидали? – Аня села на место, но продолжала смотреть на лектора.

– Ну почему же? Мне нравятся серьёзные соперники.

– Но это наше общее открытие, – сказала девушка в круглых очках. – А вы обещали снисхождение на зачёте!

– Я помню!

– А загадайте ещё что-нибудь, – девушка сняла очки, и её глаза сделались совсем маленькими.

– А не надоело?

– Пока нет.

– Или все секреты уже закончились? – спросила Аня, делая вид, что не замечает, как смотрит на неё Вика.

– Нет, конечно, – усмехнулся Кирилл Эдуардович.

На всех этажах зазвенел резкий звонок. Лекция закончилась.

– Не поверите, но несколько десятилетий назад, – Кирилл Эдуардович показывал на изящный фонтан в нише стены главной аудитории, – чаша этого фонтанчика служила мусорной урной.

– Не может быть! – удивился кто-то.

– Может, к сожалению. Вам предстоит догадаться, как такое могло быть. Только на этот раз давайте сделаем это расследование индивидуальным. Кто догадается первым, пусть скинет мне свою версию. А победителю я...

– Поставите зачет автоматом? – перебила Вика, стоявшая ближе всех к Кириллу Эдуардовичу.

– Победителю я расскажу связанную с этим историю, за которую меня могли выгнать из универа.

– А мы телефона вашего не знаем, – сказал парень с маленькой сережкой в мочке левого уха.

– Так запишите.

Студенты расходились. Кирилл Эдуардович смотрел на стройную фигурку Ани, которая вместе со своей подругой шла в сторону столовой. Перед самой лестницей Вика неожиданно оглянулась и заметила его замечтавшийся взгляд, который он отвёл слишком поздно.

Через двадцать минут начиналось совещание преподавательского коллектива, куда, несмотря на внештатный статус, пригласили и Кирилла Эдуардовича. Он поднялся на второй этаж, зашёл в круглый зал с высокими, украшенными лепниной потолками и остановился у дверей. Много лет назад именно здесь прежний ректор предложил перейти на филфак, изменив этим его судьбу.

Помещение постепенно заполнялось кандидатами, доцентами и профессорами. Кирилл Эдуардович занял место в последнем ряду и стал приглядываться к незнакомым людям, которые собирались небольшими группами и обсуждали какие-то общие темы.

Через несколько минут он увидел мужчину, который, улыбаясь, направлялся в его сторону, и узнал в нём бывшего однокурсника. На мгновение Кирилл Эдуардович испуганно подумал, не очередное ли это видение, но рукопожатие оказалось крепким. Они разговорились и выяснилось, что студенческий приятель давно преподаёт в универе.

– А что сегодня будут обсуждать? – спросил Кирилл Эдуардович.

– Основной вопрос – дисциплина, – вздохнул собеседник.

– Чья дисциплина?

– Да общая. И студенты, конечно, любят повольничаться. Сам знаешь. И учебные планы всегда на контроле. Сейчас с этим особых проблем нет, но ректор хочет, чтобы мы не расслабились.

– Ну, это правильно.

– Я тоже так думаю. Слушай, извини, – собеседник чуть засуетился, – сейчас начнут уже. Я пойду к своим. А мы с тобой потом ещё пообщаемся.

– Конечно, – кивнул Кирилл Эдуардович.

Выступающие действительно заговорили про выполнение учебных планов, о сроках какой-то внутренней отчётности, которая Кирилла Эдуардовича не касалась. Сам ректор, Алексей Владимирович, к микрофону пока не выходил, но с места умело дирижировал своим педагогическим оркестром.

Кирилл познакомился с Алексеем курсе на третьем, уже после армии, когда тот возглавил комсомольскую организацию всего университета. Алексей был постарше, учился на историческом факультете, куда Кирилл не смог поступить. Умный, активный, презирающий показуху, он вызывал уважение и симпатию.

И хотя они никогда не были по-настоящему дружны, юный Кирилл всегда чувствовал его поддержку, как будто старший брат не слишком демонстративно, но очень надёжно заботился о младшем. Тихую, тёплую благодарность за это Кирилл Эдуардович сохранил на всю жизнь и незаметно следил за успехами своего институтского товарища, который начал преподавать на родном историческом факультете, защитил кандидатскую и докторскую, стал деканом истфака, а потом возглавил и весь университет. И этот успех совершенно не удивил Кирилла Эдуардовича.

Постепенно обсуждение перешло на студентов, которые иногда опаздывали, прогуливали, переписывали рефераты из интернета, попадались не только с электронными, но и с бумажными шпаргалками.

– Я считаю, что наша задача, – говорила строгая женщина лет пятидесяти пяти, – с самого начала не распустить студентов! И особенно это касается первокурсников и выпускников, потому что одни ещё не привыкли к дисциплине, а другие уже чувствуют себя слишком взрослыми. До сих пор помню, как в девяностые, когда я была ещё молодой аспиранткой, с нашей кафедры какие-то отбитые студенты украли гипсовый бюст Тургенева!

В зале зашумели, несколько человек засмеялись, а Кирилл Эдуардович вздрогнул.

– Евгения Антоновна, – сказал тучный мужчина из президиума, – ну что за сленг?! Вы же филолог!

– Про них точнее не скажешь! – вскинулась задетая Евгения Антоновна. – А язык должен развиваться!

– Сколько можно уже про этот бюст! – громко выкрикнул кто-то из зала. – Неизвестно даже, существовал ли он вообще!

– Как же неизвестно?! – возмутилась бывшая аспирантка. – Это абсолютно достоверный факт! Он стоял на балансе, у него был инвентарный номер, и за его пропажу пришлось потом отписываться всей кафедрой!

– Наверное, она и отписывалась, – тихо сказал сидевший впереди Кирилла Эдуардовича мужчина. – Поэтому всё время и вспоминает.

– Да ерунду какую-то придумала, – кивнул его сосед.

И оба негромко засмеялись.

Кирилл Эдуардович смотрел на свои ботинки и чувствовал, что краснеет. Он прекрасно знал – исчезновение бюста великого русского писателя не выдумка бывшей аспирантки. Знал, потому что собственноручно взял Ивана Сергеевича за белую гипсовую голову и вышвырнул из

окна третьего этажа на тротуар Малой Пироговской улицы. И слава Богу, что поздним вечером там почти не было прохожих.

В тот день выпивали большой дружной компанией, но, когда все разошлись, четверым захотелось продолжения. Рестораны были редкостью, ночных клубов не существовало, и единственной альтернативой оказался родной универ, где на вахте дежурил сменщик Кирилла, который просто не мог их не пустить.

Кирилл Эдуардович не помнил, почему они взяли ключи именно от кафедры русской литературы, но, поскольку филологические хулиганы были людьми начитанными, совсем скоро за столом заспорили о разных стилях, сюжетных вариациях и постепенно вырулили на творчество Ивана Сергеевича. Принесённая с собой бутылка портвейна почти опустела. И тут один из приятелей в запале дискуссии стал утверждать, что Тургенев, несмотря на свои литературные таланты, был жутким крепостником, угнетавшим тысячи душ, которые безропотно обеспечивали ему богатство и свободу творчества.

Бюст Ивана Сергеевича сняли со шкафа, где он спокойно дремал рядом с Фёдором Михайловичем и Николаем Васильевичем, поставили на стол и стали выпивать вместе с ним, пытаясь в ходе этого спиритического сеанса достоверно выяснить, угнетал или нет. Но когда хмельная дискуссия уже агонизировала, несправедливая крепостническая версия всё-таки взяла вверх: они распахнули окно, схватили писателя и метнули его в темноту, наивно надеясь отомстить таким способом за несчастных крепостных. В этом бессмысленном вандализме участвовали все четверо, но выбрасывал писателя именно Кирилл.

Через несколько дней пропажу обнаружили и учинили целое расследование, но так никого и не нашли.

Пока Кирилл Эдуардович краснел от воспоминаний своей юности, Вика с Аней вышли из университета.

– У тебя какие планы на пятничный вечер? – спросила Вика.

– Пока никаких, – Аня пожалала плечами.

– Со своим ещё не помирилась?

– Он пишет каждый день.

– Отвечаешь?

– Через раз и очень коротко.

– Это правильно, парней надо воспитывать.

– Я ещё не знаю, стоит ли вообще с ним продолжать, – говорила Аня. – Он уже сейчас такой нудный и мелочно придирчивый, что я долго не выдерживаю. А он хочет, чтобы мы вместе жили!

– Ну и брось его! Ладно бы подарки серьёзные дарил, за границу показывал. Тогда ещё можно подумать. Но зачем терпеть придирки какого-то неустроенного программиста?!

– Да дело не в этом. Просто я его не...

– И в этом тоже! – перебила Вика. – И не строй из себя волонтера-благотворителя! Ты не обязана соответствовать его жалким возможностям. Любой женщине приятно, когда рядом с ней состоявшийся мужчина, который не считает копейки, не приглашает тебя в чебуречные и не приезжает на свидание на автобусе. Аня, это нор-маль-но!

Аня промолчала.

– Вот Кирилл Эдуардович, – продолжила Вика, – как раз из тех, кто ухаживать умеет.

– Откуда ты знаешь?

– А пойдём выпьем чего-нибудь? У меня сегодня тоже ничего нет.

– Не знаю даже.

– Ну пойдём, Ань! Выпьем по бокальчику винца, обсудим Кирилла Эдуардовича. Он же тебе нравится.

– Не придумывай ты, – Аня нахмурилась и сразу улыбнулась. – Ну ладно, если только по бокальчику!

Разместившись за столиком, они заказали себе по алкогольному коктейлю и лёгкому салату.

– За что будем пить? – Вика сделала селфи с бокалом и положила телефон на стол.

– Давай просто выпьем.

– Просто так неинтересно! – засмеялась Вика. – Давай за нашего нового преподавателя!

Аня взглянула на Вику, с которой они учились с первого курса, и подумала вдруг, что не такие уж они и близкие подруги.

– За Кирилла Эдуардовича?

– За него! – Вика не отрываясь смотрела в глаза своей однокурснице.

– Ну, если ты очень хочешь.

Они попробовали коктейли, и Вика поморщилась:

– Слишком терпкий. А у тебя вкусный?

Аня пододвинула к ней свой бокал, в котором плавали прозрачные кубики льда и разноцветные ягоды.

– Твой вкусней. – Вика выпустила трубочку из своих губ. – Потом такой же закажу.

– Мы же только по одному собирались?

– Это как пойдёт!

Аня взглянула на засветившийся экран смартфона.

– Квартирная хозяйка звонит. – Она взяла свою сумочку. – На улице с ней поговорю, здесь очень шумно.

Вика кивнула и откинулась на спинку кресла. Она не собиралась крутить серьёзный роман с их новым преподавателем. Ей хотелось просто в очередной раз проверить на нём своё женское обаяние, прогуляться как-нибудь вдвоём до метро, дожидаться приглашения на ужин, а поужинав, сделать вид, что не понимает, чего хочет от неё Кирилл Эдуардович, и даже немного возмутиться его наглым ухаживанием. Главное, чтобы преподавательский интерес к ней заметил весь курс.

Но студенческая подружка, которая вступала в отношения не так легко, как сама Вика, неожиданно проявила интерес к её Кириллу Эдуардовичу. Аня про это ещё ни разу не проговаривалась, но Вика прекрасно видела, как она смотрит на преподавателя, как меняется её мимика, когда он с ней говорит, и хорошо знала по собственному женскому опыту, что это означает.

Кирилл Эдуардович тоже цеплялся взглядом за Анну. Он смотрел на неё чаще, чем на всех остальных, хотя и проявлял свою симпатию очень осторожно. Но Вика безошибочно чувствовала значение мужских взглядов, которые, как прикосновения маленьких иголок, покалывают женское либидо в самых нежных местах, и её бесило, что эта бодрящая иглотерапия происходила сейчас не с ней.

Теперь Вике хотелось поконкурировать за этот, может быть, и не очень нужный трофей. Ей было просто необходимо доказать себе, Аньке и всем остальным, что если Кирилл Эдуардович и влюбится в кого-то на их курсе, то это обязательно будет она.

– Что там? – спросила Вика, когда Аня вернулась в кафе.

– Похоже, мне придётся искать новую квартиру. Ту, что я снимаю, хозяева решили продать. – Аня расстроилась. – Обидно! Три года уже там живу и к району очень привыкла. И сдавали они недорого.

– Хочешь, у меня поживи, – предложила Вика. – Создадим такое маленькое женское царство. По утрам будем толкаться в ванной и делить зеркало, а по вечерам вместе валяться на кровати и сплетничать. – Она зажала в губах трубочку, по которой в её рот потекла прохладная хмельная жидкость.

– Вика, спасибо! – Аня чувствовала фальшь в её словах. – Но ты же знаешь, женские царства недолговечны! К тому же я интроверт, мне нужно собственное пространство, хотя бы маленький угол.

– Тогда нужно ипотеку брать или замуж за парня с квартирой выходить. У Кирилла Эдуардовича наверняка приличная квартира!

– Вика, ты так много говоришь про Кирилла Эдуардовича, что мне кажется, он сидит за столом вместе с нами. Ты влюбилась, что ли? – Аня насмешливо смотрела на подругу.

– А что, – оживилась Вика. – Хорошая идея! Давай вместе пригласим его на ужин, поболтаем втроем, заодно всё и выясним.

Вика не хотела ссориться с Анной, но её просто распирало от желания побыстрее застолбить свои права на мужчину, который мог достаться не ей.

– Вика, а что мы должны выяснить?

– Слушай, Ань, не прикидывайся, а?! Мы с тобой уже взрослые девочки и не первый день друг друга знаем. Я вижу, как ты на него смотришь, как подначиваешь на интерес к себе. Загадайте нам ещё одну шараду! Мы будем вместе её разгадывать по ночам! – Вика попыталась передразнить Анины интонации. – При этом две недели назад ты утверждала, что взрослые мужики тебя не интересуют! А мне они нравятся, и ты это знаешь! И он уже смотрел на меня как нужно, пока ты не вылезла.

– Что значит «вылезла»?! – Аня редко дерзила первой, но никогда не съёживалась под чужим напором. – И почему ты решаешь, как мне себя вести? В отличие от тебя я глазки ему не строю. И если мне интересен его предмет – это ещё не значит, что я мечтаю с ним переспать! Я не вижу в каждом мужчине своего потенциального любовника. Между людьми могут быть и другие отношения, не только интим.

Их разговор начинал резонировать с умиротворенной атмосферой вечернего кафе, из-за соседних столиков стали оглядываться на двух симпатичных девушек, что-то выяснявших между собой.

– Ты хочешь сказать, как мужчина он тебе совершенно безразличен? – спросила Вика.

– Хочу, – сказала Аня и в ту же секунду честно призналась себе, что вложила в это слово двойное значение.

– Ну и ладно тогда, – окончательного убедившись, что Аня влюбилась в препода, Вика примирительно улыбнулась. – Чего нам из-за них ссориться? Раз тебе он не нужен, я его немного подражаю и брошу. Давай лучше ещё выпьем!

Когда совещание закончилось Кирилл Эдуардович резко вскочил со своего места в последнем ряду, открыл дверь и быстро спустился на первый этаж. Конечно, никто не смог бы догадаться, что это именно он вышвырнул из окна Ивана Сергеевича, но сбежать всё равно хотелось. Кирилл Эдуардович искренне любил творчество писателя и даже защищал диплом по его мистическим рассказам, но сейчас ему казалось, что грозный бородатый Тургенев может выйти из-за колонны и отчитать его за проступок молодости.

Было уже без десяти четыре, но на встречу со своим студенческим другом Кирилл Эдуардович опоздать не боялся. Выйдя из университета, он решил пешком прогуляться до Арбата, где столик в модном ресторанчике был заказан на пять часов вечера не случайно.

На встречи Миша опаздывал всегда и не изменил своей традиции даже в зрелом мужском возрасте. Время опоздания колебалось от сорока минут до часа и каждый раз объяснялось непредвиденными событиями, случавшимися или перед самым выездом, или уже по пути. За годы их дружбы у Михаила неоднократно рвались брюки, приходилось возвращаться и менять их, его обрызгивали проносящиеся мимо машины и уходило много времени на то, чтобы очистить прилипшую грязь, его неожиданно останавливали милиционеры, с годами превратившиеся в полицейских, и мучительно долго изучали документы...

Оправданий было бесконечное множество, одно нелепее другого. В эпоху, когда мобильная связь была только научной фантастикой и приходилось ждать всех опаздывающих, Мишина привычка вызывала скандальное раздражение. Его подкалывали, с ним ругались, иногда уходили, так и не дождавшись, но ничто не смогло приучить его к пунктуальности.

Давно смирившись с маленькой слабостью своего друга и не желая с ним ссориться по таким пустякам, Кирилл Эдуардович вывел для себя особую формулу встреч с Михаилом. Он приходил минут на тридцать позже назначенного времени, а когда друг появлялся с очередной историей, мирно улыбался, сочувствовал, говорил, что всё понимает, не признаваясь, что и сам пришёл всего несколько минут назад.

Поэтому и сейчас Кирилл Эдуардович опоздать не боялся и решил пройти до Арбата пешком. Он вышел на Малую Пироговку и направился в сторону Садового кольца. Кирилл Эдуардович любил эти переулки и, шагая по ним, как будто смотрел документальный фильм собственный режиссуры: здесь они целовались с Ритой, а в этом дворике пили с трудом добытое пиво...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.